

Подольный Н.А.

СЛЕДСТВЕННАЯ ТАЙНА КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Podolny N.A.

INVESTIGATIVE SECRECY AS A MEANS OF OPTIMIZING THE INVESTIGATION

Следственная тайна является недооценённым тактико-криминалистическим средством оптимизации расследования. Это при том, что запрет на разглашение данных предварительного расследования предусмотрен ст. 161 УПК РФ и рассматривается в качестве механизма защиты пав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Эффективность отдельных тактических приёмов во многом зависит от умения использовать следственную тайну. Среди таких приёмов следует называть следственную хитрость. Следственная тайна в ней – то часто залог успеха в решении тактических задач. Данные вопросы и проблемы являются предметом предлагаемой статьи.

Ключевые слова: предварительное расследование, следственная тайна, тактический приём, следственная хитрость, данные предварительного расследования.

Investigative secrecy is an underestimated tactical and forensic means of optimizing the investigation. This is despite the fact that the prohibition on disclosure of preliminary investigation data is provided for in Article 161 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and is considered as a mechanism for protecting surfactants, freedoms and legitimate interests of participants in criminal proceedings. The effectiveness of individual tactics largely depends on the ability to use investigative secrecy. Among such techniques should be called an investigative trick. Investigative secrecy it is often the key to success in solving tactical tasks. These questions and problems are the subject of the proposed article.

Keywords: preliminary investigation, investigative secrecy, tactical technique, investigative trick, preliminary investigation data.

Тактика всегда предполагает такой порядок действий, который обеспечивает быстрое и не затратное достижение поставленных целей. Это общее требование к тактике в какой бы сфере деятельности она не применялась. Это требование и к тактике предварительного расследования [1]. Для выполнения названных требований применительно к расследованию важным является подбор тактико-криминалистических средств, использование которых позволяет обеспечить эффективное достижение поставленных целей. От того насколько адекватно сложившейся следственной ситуации будут использоваться эти тактико-криминалистические средства зависит не только то, как быстро и с наименьшими затратами будут получены ожидаемые результаты, но и то, насколько сама система действий по осу-

ществлению уголовного процесса будет качественной, то есть соответствовать закреплённым в законе стандартам правосудия. Помимо соответствия требованиям законодательства важными являются и требования со стороны общества, которое видит в предварительном расследовании не только проявление государственной власти, но также и вполне определённый процесс по восстановлению нарушенной соответствующим преступлением социальной справедливости.

На момент начала предварительного расследования следователь не располагает достаточным объёмом знаний о соответствующем событии, чтобы однозначно утверждать о наличии или отсутствии соответствующего преступления и причастности к нему конкретных лиц. Следователь, как правило, на начальном

этапе расследования находится в ситуации информационной неопределённости, когда одинаково вероятными являются самые разные версии, порой даже прямо противоположные по содержанию друг другу [2]. На этом этапе расследования лицами, не заинтересованными в справедливом процессуальном решении, могут предприниматься действия по введению в заблуждение следователя, с тем чтобы виновное лицо не было привлечено к уголовной ответственности и не понесло заслуженного наказания. Эффективность такого противодействия достаточно велика, и она основана на недостаточной осведомлённости следователя относительно имевшего место события. В то же время, лицо совершившее преступление на этом этапе имеет возможность достаточно активно воздействовать на обстановку совершённого преступления, на оставшиеся следы и даже на очевидцев. Эти лица далеко не всегда являются уже на начальном этапе расследования участниками уголовного судопроизводства потому, что об их причастности к имевшему место событию может быть неизвестно правоохранительным органам. Это позволяет виновным лицам действовать инкогнито для правоохранительных органов, воздействуя на следовую картину, чем оказывать достаточно эффективное противодействие проводимому расследованию. Благодаря этому, такие лица чувствуют себя в относительной безопасности и стремятся максимально эффективно воздействовать на расследование, чтобы оно зашло в тупик и они, благодаря этому, могли уйти от уголовной ответственности. То есть, вполне очевидно то, что по отношению к истине следователь в сравнении с виновным в совершении преступления лицом находится в гораздо худшем положении, поскольку истину ему ещё только предстоит познать, а для виновного в совершении преступления она уже познана и он не желает того, чтобы её ещё кто-нибудь познал. Поэтому в этом плане позиция следователя более слабая, более уязвимая, чем у лица, совершившего преступление и желающего уйти от ответственности.

Названная уязвимость является причиной того, что уголовно-процессуальное законодательство наделяет следователя полномочиями, использование которых способно укрепить его позиции в ходе уголовного процесса, сделав возможным выявлять, обнаруживать доказательства, информацию о совершённом преступлении и причастности к нему соответствующих лиц. Ему предоставляются полномо-

чия принимать решения о проведении соответствующих следственных действий, о применении мер уголовно-процессуального принуждения, о вынесении соответствующих процессуальных решений [3]. Он может принимать волевые решения и волевые действия, благодаря которым может осуществлять процесс познания обстоятельств совершения конкретного преступления. Несомненно, то, что полномочия следователя направлены, прежде всего, на обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Но также несомненно и то, что обеспечивать права, свободы и законные интересы названных лиц следователь может гораздо эффективнее, качественнее тогда, когда обладает достаточно полными знаниями о том, что из себя представляло соответствующее событие, ставшее предметом расследования. Здесь имеется взаимосвязь и взаимозависимость, состоящая в том, что полнота, всесторонность и объективность в познании обстоятельств совершения преступления является основой для справедливых процессуальных решений. То есть, справедливость имеет прямую зависимость от того насколько познана в ходе расследования истина.

Помимо предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством средств познания имеются и те, которые этим законодательством не предусмотрены, но которые имеют значение для установления обстоятельств совершения преступления и не нарушают его. То есть в ходе расследования могут выполняться действия, которые не названы в уголовно-процессуальном законодательстве, но в полной мере ему соответствуют. Это действия, использование которых способно оптимизировать познавательную деятельность следователя в ходе проводимого расследования. С помощью этих действий следователь имеет возможность получить недостающую информацию, обеспечив познание соответствующего события. К таким действиям помимо следственных в криминалистике принято относить тактические приёмы. Их значение состоит в том, что помимо получения недостающей информации они способны обеспечить перелом в проводимом расследовании, сделав неизбежным установление истины. При этом, тактические приёмы являются достаточно хорошо зарекомендовавшим себя тактико-криминалистическим средством, обеспечивающим быстроту и качество в установлении обстоятельств совершения конкретных преступлений. Они позволяют

выстраивать процесс познания так, что это обеспечивает полное, всестороннее и объективное установление обстоятельств совершения преступлений.

О тактических приёмах, как эффективном тактико-криминалистическом средстве расследования хорошо известно практике и о них достаточно много сказано в теории [4]. Имеются достаточно хорошо разработанные теоретические положения, которые позволяют максимально эффективно применять соответствующие тактические приёмы. Рекомендации об их эффективном применении содержатся в отдельных частных методиках. Но следует отметить то, что далеко не всем средствам, которые способны обеспечивать качественное расследование уделяется достаточное внимание. Так, к одному из таких средств тактико-криминалистический потенциал которого явно недооценён относится следственная тайна. Умелое её использование позволяет решать сложные тактические задачи и достигать стратегические цели. Благодаря ей имеется возможность создавать благоприятные условия для следственного познания истины по соответствующему уголовному делу. Она обеспечивает защиту следователя от неблагоприятных факторов, способных негативно повлиять на ход проводимого предварительного расследования. При этом следственная тайна отличается тем, что не затратна и достаточно проста в применении.

Однако следственную тайну нельзя рассматривать только, как тактико-криминалистическое средство. Её природа гораздо сложнее. Несомненно, её значение для тактики расследования, но не только в этом суть следственной тайны. Она имеет уголовно-процессуальное значение, поскольку законодательством она рассматривается, как средство защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства [5]. При этом, термин «следственная тайна» в уголовно-процессуальном законодательстве не употребляется. Но ни у кого не возникает сомнений в том, что речь именно о ней идёт в ст. 161 УПК РФ. В этой норме рассматривается недопустимость разглашения данных предварительного расследования. Здесь содержится категорический запрет на разглашение данных предварительного расследования. При этом, указывается на то, что этот запрет обусловлен необходимостью защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Хотя в данной норме не объясняется то, как посредством запрета разглашения

данных предварительного расследования могут быть защищены права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства, но ход мысли законодателя и без этого вполне очевиден. В силу презумпции невиновности никто не может быть признан виновным иначе как по вступившему в законную силу приговору суда (ст. 14 УПК РФ). Разглашение данных предварительного расследования способны сформировать у населения убежденность в том, что конкретное лицо является преступником, что недопустимо, поскольку предопределяет судебное разбирательство и следующий за ним приговор суда, который только предстоит. Тем более, что часто простые люди, не обладающие достаточным объёмом юридических знаний, склонны считать, что подозреваемый и обвиняемый – это уже преступник, а доказывание вины – только формальность.

Вполне очевидным является то, что запрет на разглашение данных предварительного расследования призван создавать условия, гарантирующие от совершения ошибок, которыми могут быть нарушены права и законные интересы участников уголовного судопроизводства [6]. Во-первых, как было сказано, без действия этого запрета может пострадать репутация соответствующего лица, во-вторых, - доступность данных предварительного расследования лицам, не заинтересованным в правосудии, может привести к необоснованному привлечению к уголовной ответственности лиц невиновных в совершении преступления. Также доступность данных предварительного расследования может привести к ситуации, когда следователю намеренно будут навязываться версии, не соответствующие действительности для того, чтобы им были совершены ошибки, исправить которые будет невозможно, что создаст трудности в вынесении справедливых процессуальных решений. То есть, как видно, интерес следователя в сохранении тайны предварительного расследования совпадает с интересами уголовного правосудия в целом, которое основано на соблюдении социальной справедливости. При этом, механизм запрета на разглашение данных предварительного расследования защищает не только участников уголовного судопроизводства, но и иных лиц, в частности, тех, которые в перспективе могут стать участниками уголовного судопроизводства и даже тех, которые вообще не причастны к совершённому преступлению, но в силу оказываемого противоправного противо-

действия могут пострадать от необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Поэтому данный механизм следует рассматривать, как достаточно эффективный механизм защиты прав и свобод человека, даже если этот человек не вовлечён в сферу уголовного судопроизводства.

Следует отметить то, что практика уголовного судопроизводства показывает то, что лица, желающие уйти от уголовной ответственности, достаточно эффективно используют ту информацию о ходе расследования, которая оказывается в их распоряжении. В частности, благодаря ей они стремятся исказить ту реальность, частью которой было совершённое преступное деяние, представив всё так, как им это выгодно. Для этого, могут искажаться обстановка на месте происшествия, уничтожаться следы, создаваться новые, не имеющие отношения к действительно имевшей реальности, производиться воздействие на очевидцев преступления с тем, чтобы они молчали или давали ложные показания. При этом, незаинтересованные в установлении истины лица достаточно активно и умело могут воздействовать на складывающуюся следственную ситуацию. Для этого, как видно они прибегают к манипулированию информацией. Причём, это далеко не всегда противоправные действия, ими могут совершаться и правомерные действия, которые, однако, ориентированы на то, чтобы усложнить или сделать недостижимым установление истины по конкретному уголовному делу. С этой целью, они стремятся воспользоваться той информацией, которой располагает следователь, чтобы посредством заявления ходатайств навязать ему ложные (хотя и правдоподобные) версии случившегося, сделав невозможным установление обстоятельств действительно имевшего место события. Таким образом, данные предварительного расследования часто достаточно эффективно используются вопреки целям уголовного правосудия лицами, не желающими вынесения справедливых процессуальных решений. Они стремятся использовать такую информацию с целью оказания противодействия. Такое противодействие может причинять вред лицам, которые не причастны к совершённому преступлению. Это бывает, к примеру, в случаях инсценировки, когда целенаправленно создаются ложные следы о, якобы, причастности к преступлению невиновного лица.

Одним из достаточно эффективных средств защиты от подобного рода про-

тиводействия уголовному правосудию является запрет на разглашение данных предварительного расследования. Благодаря ему создаются условия, когда никто не имеет представления о том, чем располагает следователь, а потому всякое планирование противодействия сопряжено с серьёзным риском разоблачения лжи. Это позволяет следователю не только ставить и решать тактические задачи, но и защищать права и законные интересы граждан, которым оказываемое расследование противодействие способно причинить вред. Причём, круг таких лиц гораздо шире, чем круг участников уголовного судопроизводства, поскольку противодействие расследования – это часто такая ложь, которая ставит под угрозу даже лиц, не причастных к преступлению, а часто даже не догадывающихся о нём. То есть, запрет на разглашение данных предварительного расследования – это помимо всего уже сказанного противостояние лжи, которая способна навредить осуществляемому уголовному правосудию. Он обеспечивает достижение одной из стратегических целей, стоящих перед расследованием, - установлению обстоятельств совершения конкретного преступления. Кроме того, следует отметить и то, что механизм запрета разглашения данных предварительного расследования – это механизм, обеспечивающий противостояние безнравственности (поскольку ложь безнравственна). Благодаря этому, создаются условия не только соблюдения законности, но и соблюдения нравственности в достижении истину. Поэтому следует отметить то, что в основе механизма запрета на разглашение данных предварительного расследования лежит нравственность, что имеет важное воспитательное значение.

Запрет на разглашение данных предварительного расследования под именем «следственная тайна» является достаточно эффективным средством создания благоприятных условий для расследования, но и тактико-криминалистическим средством способным оптимизировать установление обстоятельств совершения конкретного преступления. При этом, немаловажное значение имеет то, что это тактико-криминалистическое средство имеет достаточно явно выраженные черты нравственности. Тактика, предполагающая использование следственной тайны уже в силу этого, приобретает нравственный характер, который противопоставит безнравственности совершённого преступления и предприняемого противодействия проводимому расследова-

нию. Одним из видов тактических приёмов, в которых составная часть – это использование следственной тайны является следственная хитрость [7]. Она часто основана на целенаправленном использовании следственной тайны, что позволяет сформировать основу, на которой выстраивается система действий, которые направлены на получение необходимой для расследования информации, доказательств, а также – для достижения перелома в ходе расследования, когда установление истины становится лишь делом времени и уже ничто не может создать препятствие. В связи с этим, вполне обоснованным является довод о том, что следственная хитрость также является нравственной и вовсе нельзя её рассматривать, как ложь [8]. Она основана на следственной тайне, а не на лжи, а потому в полной мере отвечает высоким нравственным требованиям. Следственная тайна – это отсутствие информации о ходе расследования, о том какими данными о совершённом преступлении располагает следователь. Следственная тайна вовсе не предполагает ложь.

Механизм следственной хитрости состоит в том, что следственная тайна создаёт такой информационный вакуум, в котором лица, незаинтересованные в установлении истины, сами начинают генерировать слухи, далёкие от реальности, в которые и сами начинают верить. Вера в них – это важный компонент названного механизма, поскольку она не только заставляет принимать ложь, которая была создана самими лицами, противодействующими расследованию, но и действовать так, как это выгодно для проводимого расследования. При этом, сам следователь максимум что делает – это лишь стремится управлять процессом создания названных домыслов. Для этого он может избрать метод дозированной сброса информации, которой названные домыслы будут подпитываться и формироваться нужным для интересов следствия образом. В отдельных случаях можно обходиться и без этого, поскольку от-

сутствие данных, информационная тишина способна серьёзно оптимизировать домыслы, неверные суждения о ходе проводимого расследования, что важно для установления обстоятельств совершения преступления. Результатом дискомфорта, вызванного отсутствием информации о ходе расследования, часто становится то, что соответствующее лицо приходит к выводу о том, что следователь уже и так располагает всем необходимым для установления истины, а потому правдивые показания уже более значимы лицу, первоначально занявшему позицию противодействия. Это становится моментом перелома, когда соответствующий участник уголовного судопроизводства меняет свою тактику противостояния расследованию на тактику взаимодействия со следователем. В этом состоит суть механизма следственной хитрости. Никакой лжи в нём нет, а потому он в полной мере соответствует высоким нравственным требованиям.

Изложенное позволяет констатировать то, что следственная тайна – это универсальное средство, используемое в уголовном судопроизводстве. Она выступает и в качестве эффективного средства защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, и в качестве средства оптимизации проводимого расследования конкретных преступлений. Практика расследования достаточно часто прибегает к использованию следственной тайны при решении сложных тактических задач. Такой опыт позволяет делать вывод о том, что следственная тайна – это средство, без которого в отдельных следственных ситуациях невозможно обойтись. Однако несмотря на это приходится признать и то, что теория не предлагает в достаточной мере рекомендаций, для расследования в которых предлагалось бы использование следственной практики. Более того, подобного рода рекомендации должны находить место в системе криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений.

Литература

1. Центров Е.Е. Криминалистическая тактика, сущность, понятие и содержание основных тактических положений // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра. Сборник научно-практических статей. Под общей редакцией И.М. Комарова. - Москва, 2020. С. 406-418.
2. Асаёнок Б.В. Ситуация информационной неопределенности: особенности криминалистической оценки (применительно к законодательству республики Беларусь) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 84-89.
3. Жуков Д.А. И вновь о проблемных вопросах регламентации полномочий сле-

- дователя // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3 (17). С. 87-91.
4. Соколов А.Б. Тактический прием: логика определения понятия нуждается в пересмотре // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 4. С. 112-119.
5. Жариков Ю.С. Недопустимость разглашения данных предварительного расследования: к вопросу о конституционности уголовно-процессуальной нормы // Современное право. 2019. № 9. С. 118-123.
6. Дациева Х.Г., Муталибова Э.М. Недопустимость разглашения данных предварительного расследования: проблемы правоприменения // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 183-185.
7. Бадзгардзе Т.А., Бозиев Т.О. Стратегия. Тактика. Оперативная смекалка. Следственная хитрость. Прокурорский креатив // Криминалистика - наука без границ: традиции и новации. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Составители: А.В. Бачиева, Э.В. Лантух. - Санкт-Петербург, 2021. С. 25-29.
8. Мешков В.М. Допустим ли обман в криминалистической тактике? // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (60). С. 9-13.

References

1. Centrov E.E. Kriminalisticheskaya taktika, sushchnost', ponyatie i sodержanie osnovnykh takticheskikh polozhenij // Otechestvennaya kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. Sbornik nauchno-prakticheskikh statej. Pod obshchey redakciej I.M. Komarova. - Moskva, 2020. S. 406-418.
2. Asayonok B.V. Situaciya informacionnoj neopredelennosti: osobennosti kriminalisticheskoy ocenki (primenitel'no k zakonodatel'stvu respubliki Belarus') // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2022. № 2. S. 84-89.
3. Zhukov D.A. I vnov' o problemnykh voprosakh reglamentacii polnomochij sledovatelya // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2018. № 3 (17). S. 87-91.
4. Sokolov A.B. Takticheskij priem: logika opredeleniya ponyatiya nuzhdaetsya v peresmotre // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2020. Т. 6. № 4. С. 112-119.
5. Zharikov YU.S. Nedopustimost' razglasheniya dannyh predvaritel'nogo rassledovaniya: k voprosu o konstitucionnosti ugovolno-processual'noj normy // Sovremennoe pravo. 2019. № 9. S. 118-123.
6. Dacueva H.G., Mutalibova E.M. Nedopustimost' razglasheniya dannyh predvaritel'nogo rassledovaniya: problemy pravoprimeneniya // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2021. № 4. S. 183-185.
7. Badzgaradze T.A., Boziev T.O. Strategiya. Taktika. Operativnaya smekalka. Sledstvennaya hitrost'. Prokurorskiy kreativ // Kriminalistika - nauka bez granic: tradicii i novacii. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sostaviteli: A.V. Bachieva, E.V. Lantuh. - Sankt-Peterburg, 2021. S. 25-29.
8. Meshkov V.M. Dopustim li obman v kriminalisticheskoy taktike? // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 2 (60). S. 9-13.

ПОДОЛЬНЫЙ Николай Александрович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 420126, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Фатыха Амирхана, д.12а. E-mail: ipk-saransk@yandex.ru

PODOL'NYI Nikolay Alexandrovich, Doctor of Law, docent, Head of Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kazan Institute (branch), The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia). 420126, Kazan, st. Fatykha Amirkhana, 12a. E-mail: ipk-saransk@yandex.ru

